

С) у 6-галоссі на дыятоніцы выконвае велічны ў сваім гучанні заключны харал-гімн, падводзячы вынік усяму канцэрту праз 8-галосную коду. Асноўныя рысы, якія выяўляе кампазітар у сваёй творчасці, гэта атанальнасць, санарыстыка, тэмбрафанічнасць, гукавыяўленчасць і поліакордыка, разнастайныя кантрасты (дынамічныя, фактурныя, сола на фоне харавога гучання), элементы двухорнасці, інструментальныя прыёмы, жанравы сінтэз.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ФЕНОМЕН ПАРТИЦИПАЦИИ

И. В. Морозов, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры менеджмента социокультурной деятельности Белорусского государственного университета культуры и искусств

Никакое другое событие мировой истории не нашло столь длительного и нескончаемого художественного осмысления, как наша Победа. И это, безусловно, закономерно, поскольку происходило не только увековечение памяти жертв и героев, но и подспудное выражение жития-бытия огромной страны-победительницы.

Задолго до победного салюта, не столько отмечая, сколько подвигая столь долгожданную Победу, рисовальщики-ваятели мужественно выявляли ее, можно сказать, прямо во фронтовых окопах. При этом вся художественная мощь была направлена на выражение обобщающего образа заведомого победителя. Ими, как правило, становились беспримерные победоносные полководцы, портреты-бюсты которых с гордым и мужественным взглядом и шеренгой высших орденов стройными рядами сходили со станков скульпторов и оправлялись прямо на агитационный фронт.

Еще не истек и год Победе, а уже началась реализация постановления советского правительства по возведению памятников в честь павших за освобождение Европы от

фашизма. То были практически типовые, «анонимные» памятники над захоронениями – в большинстве своем головоили коленопреклоненные красноармейцы с каской в руках или с приспущенным знаменем.

Долгожданная, выстраданная, многозначительная, многообещающая Великая Победа внесла существенные коррективы и в художественное воплощение. Востребовался новый выразительный, «узнаваемый» художественный образ сбывшегося Победителя и исполнителя исторической, воистину легендарной миссии.

...Словно гигантский меч по рукоять вонзен в самое, как тогда говорилось, логово фашизма. «Воин-освободитель» в Берлине не только являл собой добытую Победу, но стал в авангарде послевоенного идеологического противостояния с бывшими союзниками, из первого, можно сказать, призыва на фронт «холодной войны» (1949 г.).

И здесь не обошлось без сакраментальной легенды, очень похожей на правду. Или точнее, правды, ставшей легендой. Считается, что после Потсдамской конференции К. Ворошилов, пожалуй, самый бездарный, но предельно угодливый маршал сделал столь же «победоносное» предложение. Его суть – в берлинском Трептов-парке, где похоронены тысячи наших воинов, павших в безоглядном штурме Берлина, поставить памятник... конечно же, Сталину. Огромный бронзовый генералиссимус должен был держать земной шар, словно Атлант. И можно не сомневаться, что будь на то команда, пусть даже намек «свыше», многие ваятели верноподданно ринулись бы исполнять сей «гениальный» замысел.

В данном случае не будем спекулировать насчет всех причин его срыва, но одна из них – востребованность обобщенного символа Победы при апофеозе понимания общенародности славной Победы. Поэтому генералиссимус снисходительно и выбрал проект Вучетича с Освободителем – аллегорическим солдатом-народом [2].

В его во весь рост изваянии обнаруживаются и другие аллегии. Например, меч в руке Освободителя. Вся аму-

ниция – не придерешься, по уставу, а этот – из совсем других «доисторических» времен. Как отважился пусть уже и обласканный властью Вучетич на такую вольность? Легенда уверяет, что это находка опять-таки именно Сталина, который предложил (читай – приказал) заменить общеизвестный массовый автомат ППШ в руке солдата мечом, которым он разрубал фашистскую свастику.

Кстати, и меч, что беспрекословно был вложен в руку бронзового солдата, также не взят с «потолка», но из музея. Явился якобы увеличенной копией двухпудового (!) меча Александра Невского, участвовавшего в боях при изгнании «псов-рыцарей» и отлитом в бронзе незабываемым, прозвучавшим еще с довоенного киноэкрана предупреждением: «а если кто к нам с мечом придет...».

Однако наибольшие дискуссии вызывали прообразы непосредственно Освободителя и той девочки, чья бронзовая фигурка нашла покой и приют в его объятиях.

Конечно, они «находились». Вначале в лице некоего генерала и некой малолетней берлинской девчушки. Однако общественное мнение требовало прочную идентичность, основанную на фактической достоверности и всяческих свидетельствах. Так нашли сюжетный прототип – сержанта Трифона Лукьяновича, который перед войной жил в Минске. Накануне Победы он погиб при спасении немецкой девочки [5].

В качестве природы для фигуры Освободителя скульптор якобы выбрал гвардии рядового Ивана Адарченко. Но был еще и солдат Николай Масалов, который признал себя в Освободителе случайно: купил спички в магазине и на этикетке увидел...

К подобным легендам, преданиям, коими в достатке овеяно художественное воплощение нашей Победы, можно относиться с иронией. Тем не менее с позиций культурологии здесь явствует принципиальный феномен, что сегодня во многих сферах жизнедеятельности называется партиципацией (от франц. *participation* – соучастие, сопричастность).

Согласно автору этого термина Л. Леви-Брюлю, партиципация – феномен глубокого архаического происхождения и связан с архаическим, а точнее «пралогическим (“prelogique”) мышлением». А оно в основе своей определялось различными видами мистической партиципации [1].

Данной концепции противопоставляется воззрение Леви-Стросса о потенциальном равенстве логической мощи так называемого первобытного мышления и мышления современного человека [5].

Этот важный постулат означает, что логические законы, лежащие в основе интеллектуального мира, по своей природе суть неизменные и общие не только для всех времен и географических пространств, но также и для всех субъектов [3].

Но и закон мистификации, лежащий в основе чувствуемого мира, также суть универсальный и неизменный. «Вот почему мышление первобытных людей может быть названо пра-логическим с таким же правом, как и мистическим... Под термином «пра-логический» отнюдь не следует понимать, что первобытное мышление представляет собою какую-то стадию, предшествующую во времени появлению логического мышления... Оно не антилогично, оно также и не алогично» [1, с. 112].

Иначе говоря, следует признать, что столь же универсально и пра-логическое мышление, в широком понимании его Леви-Брюлем. И оно по-прежнему есть наше достояние, неизменно обогащающее картину мира. Ибо оно не отягощает нашу жизнь, как некий атавизм, но делает ее экзистенциально переживаемой, более многогранной и интересной. А название его таково только потому, что показалось лучшим из всех. А также в связи с тем, что оно «не стремится, прежде всего, подобно нашему мышлению, избегать противоречия». То есть обусловлено законом партиципации, который, в свою очередь, обеспечивается принципом идентичности. Искони суть его в том, что для первобытного человека не было ничего случайного, в этом и состояла его «железная» логика причинно-следственных

связей, многие из которых, не находя интеллектуального объяснения, оказывались в сфере магии и мистики. Именно этим объясняется, почему, например, априори не случайные названия, некие изображения в рисунке или изваянии служили первобытным людям важнейшим атрибутом их совместной жизни. Ибо в архаике они наделялись мистическим свойством одаривать партиципацией, сопричастностью природе, свойствам, жизни оригинала. Отсюда имя, всякое узнаваемое (иконическое) изображение человека властвовало над ним как неотъемлемая часть его же [1, с. 64].

Сегодня мы не сможем сравнить интенсивность и могущество этой власти для архаического и современного человека, но то, что мы не лишены ее – факт очевидный. (Отсюда, в частности, неоспариваемый пиетет к гербам, флагам, гимнам). На мистической вселенской партиципации искони и навсегда будут зиждиться философия, религия, естественно искусство, а ныне в пору постклассической науки с ее голографическими, «струнными» концепциями мироздания и она сама. Ибо исчерпала себя эпоха позитивизма в антропологии и культурологии.

И мы ищем новые формы осознания и выражения партиципации современников с событием Победы. И не только в сугубо художественной сфере (практически во всех видах искусства), но и в повседневности – актуальными трансформациями ритуалики. Так, можно сказать, современным пра-логическим мышлением, не противоречащим и логическому осознанию, и спонтанной эмоциональности, на улицы наших поселений вышли и множатся массовые перформансы, флешмобы, иные произведения арт-стрита. Несмотря на их явно модернистский характер, они активны, содержательны и, главное, находят пути к уму и сердцу, подкрепляя мистическую партиципацию невольным сопричастием к «силе духа», что преисполняла творцов Победы и стала общенародным культурным кодом.

1. *Леви-Брюль, Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
2. *Вучетич, Е. В.* Художник и жизнь / Е. В. Вучетич. – М. : Изд. Акад. художеств СССР, 1963.
3. *Конт, О.* Дух позитивной философии / О. Конт. – М. : Директ-Медиа, 2002. – 152 с.
4. *Леви-Стросс, К.* Первобытное мышление / К. Леви-Стросс ; пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М. : Республика, 1994. – 384 с.
5. Памятник белорусскому солдату в Берлине // *Беларуская думка.* – 2004. – № 5.

**ДАКУМЕНТЫ ФОНДА РЭСПУБЛІКАНСКАЙ РАДЫ
ГРАМАДСКАГА АБ'ЯДНАННЯ «БЕЛАРУСКАЕ
ДОБРААХВОТНАЕ ТАВАРЫСТВА АХОВЫ
ПОМНІКАЎ ГІСТОРЫІ І КУЛЬТУРЫ»
ЯК КРЫНІЦА ПА ВЫВУЧЭННІ АХОВЫ
ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ
БЕЛАРУСІ**

*А. Я. Паўлава, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музейзнаўства
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*

Вялікая роля ў галіне захавання гісторыка-культурнай спадчыны ў сённяшні час належыць намаганням грамадскасці. «Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры» з'яўляецца адной са старэйшых грамадскіх арганізацый Беларусі. Яно было заснавана ў адпаведнасці з рашэннем ўрада БССР і партыйных кіруючых органаў у 1965 г. [11, арк. 80–82]. Да сярэдзіны 1960-х гг. аховай помнікаў гісторыі і культуры БССР займаліся Міністэрства культуры і Дзяржкамтэт Савета Міністраў па справах будаўніцтва (Дзяржбуд БССР). Аднак іх дзейнасць з прычыны малой колькасці супрацоўнікаў не была эфектыўнай [1, арк. 22].